наши публикации

Вс. Н. Иванов: Рерих и Россия

ОКЕАН ЗЕМЕЛЬ

Пожалуй, трудно представить себе человека, который бы, увидев картины выдающегося русского художника Николая Константиновича Рериха, познакомясь с его удивительными книгами, так много дающими для роста и совершенствования души, или прочитав в серии «ЖЗЛ» о его подвижнической биографии, не испытал бы глубочайшего чувства преклонения.

В русском искусстве (мы говорим не только о живописи!) Николай Константинович и по сей день занимает особое место. «Искусство Рериха независимо, ибо око велико»,— писал о нем классик индийской литературы Рабиндранат Тагор.

Сегодня мы возвращаем читателям страницы уникальных раздумий о Николае Рерихе еще одного большого и, к сожалению, малоизвестного для нас русского писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888—1971), пережившего сложнейшую и драматическую судьбу, свидетеля трех революций и трех войн, пришедшего к осознанию исторической правды эпохи. Свой литературный путь он начал в 1909 году. Трагической ошибкой своей жизни Вс. Н. Иванов назовет в «Воспоминаниях» свое неприятие Октябрьской революции и то, что он оказался в эмиграции в Корее. С 1925 года он начнет сотрудничать в ТАСС, а в 1931 году обретет советское гражданство. До 1945 года Иванов трудился в Китае, написал ряд исторических романов о гражданской войне в этой стране (20-е годы) и о рождении в боях Китайской народно - освободительной армии. Но он еще и автор таких исторических повествований, как «Иван Третий», «Ночь царя Петра», «Императрица Фике»... Проходное значение жизни не только русского, но и других народов, жажда объединения их в стремлении к миру при полном расцвете распространения гуманизма и культуры привели Вс. Н. Иванова к творчеству Рериха. В 1935 году в Харбине он завершит свой уникальный и глубоко патриотический труд «Рерих—художник и мыслитель», одна из глав которого названа «Россыпи самоцветов»... Эти слова вполне можно отнести и к самому труду Вс. Н. Иванова, и к тем избранным страницам, которые мы предлагаем вниманию нашим читателям.

Н. К. Рерих. «Китайская стена» и «Вайделоты».

Рерих — русский.

И это — предопределяет.

— Что ж это значит:

— Русский?

Это можно понимать в двух смыслах:

— в узком,

— в широком.

Узкое, обычное понимание этого положения состоит в том, что понятие «русский» означает известные правовые, гражданственные, родовые и прочие отношения принадлежности человека к государству. Это понятие «русский» вполне реально, но при всем том, оно не исчерпывает предмета.

Широкое же понимание означенного понятия заключается в том, что оно заявляет, что Рерих принадлежит к России, как к совершенно особразному миру, с которым у него установлена крепкая и великая связь.

У западных публицистов и культурфилософов приходится зачастую читать, что в России не существует нации, а с ней не существуют и таких национальных, четко выраженных отношений, какие, например, существуют между государством и отдельными личностями у французов, англичан, немцев. Что у русских эти отношения просто еще исторически не выработаны, не установлены.

Это верно. Связь эта, которую имеют в виду западные публицисты, есть связь гражданственная, установленная по ограничительному, объединяющему образцу Римского права. «Civis Romanus sum» — эта горда формула заключает в себе просто некий объем личных и государственных прав и обязанностей, которые точно определены и формулированы.

События последних лет в России показывают, что там пока нет этой формулировки, нет этой осознанности в этих взаимоотношениях личности и государства, и когда она будет, и в каких формах — представляет из себя проблему творческого хода ее могучей и живой истории.

Зато в России—есть другое. В ней есть живые, великие, глубокие тайные связи между матерью страной и ее сынами, между русским народом и отдельными русними, которых или нет, или которые забыты в Европе.

Россия не только государство. Она — **сверхгосударство**, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои предназначенные ей берега, не засверкала еще в отточенных и ограниченных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в брильянте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных исканиях и в бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на одну шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая зеленая шетина бесконечных лесов; ковры лугов, ветряных и цветущих.

Россия — это бесконечные зимние снега, над которыми поют мертвые серебряные метели, но на которых так ярки платки женщин; снега, из-под которых нежными весенними выходят темные фиалки, синие поднеснежники.

За жаркими короткими континентальными летами приходят в России бесконечные пашни, над которыми колышутся золотые жатвы.

Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа, другого, нежели тот, который создан западным хозяином на Римском праве собственности.

Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая чистая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение раз, объединение народов, говорящих на 168 языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония. Россия — Союз народов, равных и дружественных, с великорусским народом в корню.

Россия — страна, не только страна творческого настоящего. Она страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь. В ее березовых солнечных рощах по сей день правятся богослужения древним богам. В ее окраинных лесах — до сей поры шумят священные дубы, кедры, украшенные трепещущими лоскутками, и перед ними стоят бедные, скромные, глиняные чашки с кашей — жертвой. Над ее степями плачут жалейки в честь древних божеств и героев.

Россия—есть страна византийских куполов, церковного звона, синего ладана, которые несутся из той великой и угасшей наследницы исчезнувшего Рима—Византии, Второго Рима, этих вещей, смешных, с меркантильной точки зрения Запада, но придающих ей неслыханную красоту, запечатленную в русском искусстве.

Россия — есть страна братских народов, не «покоренных», а «замиренных», объединенных массовым братанием, обменом нательных крестов, незлобивой и непревосходительной связью одного народа с другим.

И в то же время—Россия — страна неслыханных практических, реальных устремлений туда, к будущему, к созданию новых форм человеческого общества как единой артели.

Ни в одной стране не живы так зовы старого, древнего, милого, нигде не живут так вечные, тихие Праотцы.

И в то же время — нет другой страны в мире, которая бы так бурно стремилась в будущее, как это делает Россия.

Россия — могучий, хрустальный водопад, дутой льющийся из бездны времени в бездну времени, не схваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия.

Россия — грандиозна. Неповторима.

Россия — полярна.

Россия — Мессия новых времен...

И Рерих — связан с этой Россией.

Связан рождением, молодостью, первыми осеняниями; образованием, лучами, писанием, пестротой своей русской и скандинавской крови.

И особливо:

— связан с ней своим огромным искусством, ведущим к постижению России...

«Скандинавская культура, унизанная сокровищами Византии, дала Киев. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие греческих храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие зодчества Романского стиля дали благородство Киеву»,— пишет Рерих.

«Бесконечно удивляешься,— говорит он дальше в той же статье, «Радость Искусству», датированной 1908 годом,— благородству искусства Новгорода и Пскова, выросших на Великом Пути, напитавшихся лучшими соками Ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгорода, так схожая с львом св. Марка, не была ли мечтой о царице морей — Венеции?»

И, наконец — главное, впервые явно и гласно мелькающее у Рериха, еще одна культурная традиция.

«О татарщине,— недоумевает Рерих,— остались у нас только воспоминания, как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих дивовинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей — Русь слушала сказку о чудесах, которые знали когда-то хитрые арабские гости Великого Пути в Греки»...

Надо вспомнить узость известных воззрений русского общества того времени, когда думались эти мысли, когда писались эти строки, чтобы понять, как смел должен был быть наш художник, чтобы говорить, чтобы думать так! Но иначе он говорить и не мог: его устами гласила сама истина: интуиция художника проникновенное молнии. Но каково было ей встречаться тогда с «мнением света»!..

Но ничто не устрашит Рериха. Вскрыв в России, как в культурном единстве, эти великие категории объединенных культур, являясь в этом отношении полным предтечей Евразийцев, которые пришли в мир двумя десятками лет позднее его, опознав три категории, которые в конечном счете создали почти всю мировую культуру, Рерих стал это все закреплять в своем искусстве, подымая волну некоего русского новонационализма, не исключающего а примиряющего и синтезирующего.

«Знаю, пройдет все испытание... Вселенародная, крепкая доверием и делами Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. **Найдет клады подземные**».

Так пророчески писал Рерих тридцать лет тому назад. И он это знал, знал интуитивно, ибо художники видят иначе, нежели простые люди, и трудно им лишь выразить то, что они видят, на простом земном языке, объяснить теперешними привычными словами небывалое будущее. И Рерих кроме слов еще являет в образы, живые формы Руси.

Семьдесят пять этюдов-картин привез Рерих из этой плодоносной поездки по Руси; старые с них смотрят на нас города, монастыри, храмы. Рерих объехал Ярославль, Кострому, Н. Новгород, Казань, Суздаль, Владимир, Юрьев Польский, Ростов Великий, Москву, Смоленск, Вильну, Троки, Ригу, Изборск, Печоры, Псков, Тверь, Углич, Калязин, Валдай, Звенигород и другие «заповедные».

То, что нарисовал и написал Рерих после этой поездки,—это все невелико по объему в сравнении с тем, что видели глаза художника и к чему принадлежа душа его. Все, кто бывал в тех местностях, где бывал Рерих, те знают, какая сила в этих памятниках, запечатленных Рерихом на полотне.

Рерих! Это имя человека, которого просто называют, и имя которого звучит как необъятный комплекс идей и образов. Стоит только назвать его, и все знают:

— А! Рерих!

Такое **пожалование именем** — есть высочайшая награда своего народа, который так жадуст своего великого знатного мастера. Оно означает, что искусство такого мастера перестает быть личным искусством живописца, выражением высокого уменья. Имя становится жизнью. Имя становится обозначением целого мира...

И когда в 1917 году в России вспыхнули пламена революции, когда глухо загрохотали под землей сейсмосы политических катаклизмов, куда же направил Рерих свой путь, столь до того всегда связанный с «милой жизнью» через искусство?

Рерих, своим искусством способный постигать столь глубоко жизнь, слышать, как трава растет, куда вода бежит, знает, куда идти. Крепкий в бурях, спокойный и радостный в жизни, стоит он и зорко смотрит вокруг... Он слит душой с природой, а природа знает больше нас, природа и есть жизнь, жизнь есть путь...

В своем любимом Севере, с тускло-серебряными небесами, с медными полунощными восходами, среди морей хвои, на тихих реках проводит Рерих кипучую зиму 1917—1918 годов. А летом он на островах Туломе и на Валааме.

Тишина. Тишина тем более глубокая, что она контрастирует с шумом политических дней того времени. И в этой тишине было написано одно из важнейших произведений Рериха — письмо-повесть «Пламя».

Как художник, Рерих смотрит проникновенным взором вовне — в пространство и во время.

Как писатель, он погружает свой взор в себя, в свою душу, стараясь созерцать вещи и события такими, какими они и являются. И тут, в этом письме-повести, он беседует с самим собой, со своей душой, а значит, и с целым миром...

«Ты спрашиваешь меня, где я?—пишет он.— Слушай! На острове. На Севере.

— На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова.

— Жилья не видно.

— Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вещи из нашего **прежнего мира**».

Одиночество, глубокое одиночество окружает там Рериха и его великую спутницу на путях Е. И., и это его исконное северное одиночество И. должно быть, уж слишком все объявилось непостоянным в том «прежнем» мире, если мысль художника направлена на основание некоих массивных базальтовых храмов, утвержденных на отвердевших вулканических породах, чтобы в этих храмах, еще более прочных, чем египетские, сохранить достижения культуры.

Но разве в **твердости** камня прочность?

А что же прочно в жизни? Что же наиболее устойчиво в ней при всяких обстоятельствах?

«В этой жизни ценен лишь труд творчества»,— отвечает на это художник.

И художник этот в уединении пишет ряд картин. Цикл, связанный единой мыслью. Цикл удался. Воплощено то, что должно было воплотиться, что предносилось сознанью и чем мечтали люди, время, должность, вежливости и т. д.

И когда картины были выставлены, несмотря на нежелание этого со стороны самого художника, «сознанное оказалось убедительным». «Заражало зрителя». «Сделало его участником действа».

И в то же время это доброе творчество привлекало свою полярность — человеческую злобу. И Рерих в своей повести рассказывает весьма интересную историю, которая могла бы стать темой сильной драмы огромной значительности... Он сам становится жертвой клеветы.

...«Это пламя — пламя судороги, припадка. Жить и созидать среди этого пламени — нельзя. И как при некоторых болезнях нужно переменить место, так и **от алого пламени нужно спасаться бегством. Сгыдного тут ничего нет**. Нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду...»

«И я знаю, что я работаю. Знаю, что моя работа будет кому-то нужна»...

«Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее — уже не для меня».

Эти слова—сдержанный, суровый гимн радости после скорбей жизни, гимн утверждения, подобный тому, каким кончает суровый Бетховен свою IX симфонию. Стройка. Труд.

Известно давно, что большие поэты и писатели, которые знали глубинные прозрения, проникновение в сущность мира, как Гоголь, Пушкин, Леонид Андреев, Вл. Маяковский, Гете, Виктор Гюго, были и большими художниками... Кто мог нарисовать в тончайшей графике — в манере 30-х годов — финальную сцену «Ревизора», как не Гоголь, который знал, что творится в душе его героев? Искусство в своей сущности, вероятно, едино, и человек больших ударений находится на вершине духа, где в одной точке сходятся все многосторонние плоскости единой пирамиды души.

И художник Рерих, который картинами воплощает такую правду, к нашему счастью, может словами рассказать нам, что он чувствует, что он провидит. Мы видим, что к чему бы ни прикоснулась волшебная кисть художника Рериха. К природе ли, к истории ли, к религии ли,— все начинает гореть, сиять напряженным тончайшим биением самой Жизни. И он становится мыслителем

С этой точки зрения Рерих — явление колоссальное. Что сказать бы о Бетховене, который бы сам стал исполнителем в своем своем могучие, космические музыкальные образы, а не предоставил бы это своим коснязычным критикам? Разве Гете не поражает нас как раз в том, что гениальные образы свои, вздымающиеся из Материй его творческого Духа, он облекает и в тончайшую философскую форму, объединяя дискурсивное мышление в обеднных содержанием общих понятиях с богатством гениальной поэтической интуиции. Каждый факт, который готов показаться сребро-бюгдиллетру только единичным явлением, благодаря этой философской форме истолкования обдывается у него в космическое явление.

И Рерих — явление такого же ранга. Его образы художественны, они покоряют именно своей основной силой проявления. И они же развертываются перед нами и в философском мышлении, причем налицо несказанная смелость мыслителя, столь решительно поборовшего временные катаклизмы нашей материальной жизни. Рерих легко рвет со всеми условностями нашего мира, со всеми его установками, поборов их либо в решительном столкновении, либо обходя их в мудром компромиссе, пробиваясь туда, туда — под «Звездные Руны», вещающие о Вечности.

— Рерих — боец.

— Рерих — великий оптимист.

— Рерих не боится делать выводы из своих мыслей, и он из уединения Тулоды, Валаама, Сердоболя — едет в Выборг.

Он выходит ныне в мир с проповедью. С повторением прежних своих исканий и прежних своих программ?

Нет, никогда время для Рериха не кружится бесконечно вокруг циферблата его часов, повторяя каждые двенадцать часов те же и те же точки. Время Рериха развивается некой спиралью высшего порядка, будто бы повторяя часы, но на самом деле проходя в своем повторении в новые и новые сферы неопознанного.

И вот знак этого — его художественное творчество начинает от этого перелома как бы менять свой облик...

В этой музыке красок находят и начало и завершения его литературные произведения, которые он выпускает отныне неутомимо. Его литературные произведения можно рассматривать именно на фоне его картин, как его картины нужно, равным образом, созерцать сквозь сетку строк его писаний.

Как же начинается этот новый период деятельности Рериха, период вне России?

В Выборге 1918 года наш художник один. Без денег. Без друзей. Его ищет его почитатель, ищет всюду...

И 8 ноября 1918 года, в Стокгольме, открывается выставка картин, в исторический день, когда Вильгельм II отрекся от трона.

А для Рериха этот день стал началом восхождения по ступеням общечеловеческого значения.

...«Музей Рериха» в Нью-Йорке занимает здание в 29 нарежных и 3 подземных этажа.

Учреждения Рериха объединяют целую армию работников и аспирантов искусства. «Мастер Институт» объединяет мастеров—музыкантов, художников, артистов. Институт Объединенного Искусства является педагогическим учреждением этого рода, и, наконец, «Музей Рериха»—служит центром крепких связей искусства по всему миру...

Что же это — эта Культура?

«Культура есть прежде всего человеческое деление во имя осознанного Добра, Света, Блага»,—говорит Рерих. Вся жизнь человечества, и не только отдельных слоев, отдельных людей, должна быть освещена, проникнута Культурой.

Свет, Добро — живут в человеческом сердце. Сердце — творит. И из этого истинного творчества вытекает Благо. «Работайте с сердцем» — это высшая похвала трудящимся.

Люди должны трудиться с любовью, должны приветствовать с любовью результаты своих трудов и не давать им давать на себя, обуреваться ими, как давят на людей созданные ими города.

Это главнейшее; и постольку это имеется у разных народов — у них имеется и Культура. И Рерих высказывает, по видимости, парадоксальное и в то же время несомненное утверждение:

«Техника не есть еще культура. Не всегда техника служит Культуре. Иногда она губит, разрушает ее, или прямо служит ему. С другой стороны — могут быть высококультурны и народы, которые не имеют техники».

С этой точки зрения Россия и Восток — культурны, хотя они еще пока не обладают западной техникой...

Зато в России сознанцо те начала благостности, осознания Добра, которое и движет Рерихом по путям его проповеди Культуры...

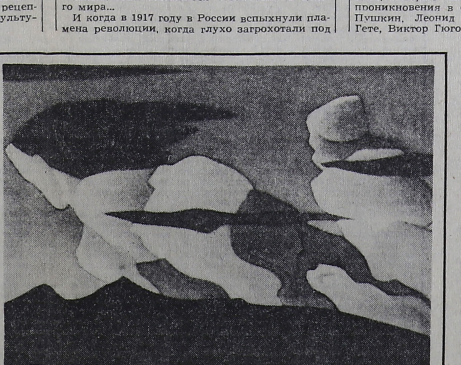
Ведь **через понятие** культуры Рерих раскрывает углубленное понятие Родины:

...Он говорит:

«Мы вовсе не мечтатели, но работники жизни, и наше посольство в том, что мы стремимся сказать народу: помни о Красоте, не изгоняй ее облика из жизни, зови действенно и других к этой главной задаче».

«Мир через культуру» может принять участие гражданне и организации, готовые внести практический вклад в это благородное движение.

«Св. Сергий-строитель».



«Никола Селянинович».

Вместо послесловия

Наша публикация о Николае Константиновиче Рерихе не случайно появилась именно в эти дни: 12 июля в Москве состоится учредительное собрание советской ассоциации «Мир через культуру». Слова этого призыва, принадлежащего Рериху и взывающего к лучшим чувствам человечества, появились в оберли сторонников во многих странах в годы между двумя мировыми войнами нашего столетия. В поддержку данного лозунга выступили писатели Рабиндранат Тагор и Ромен Роллан, Бернард Шоу и Герберт Уэллс, ученые Альберт Эйнштейн и Роберт Милликен, президент США Франклин Рузвельт и многие другие. Свое документальное воплощение лозунг получил в пакте Рериха, подписанном в 1935 году, и в Гаагской международной конвенции 1954 года. Правда, идеи Рериха имели более широкое общечеловеческое содержание: он мечтал не только о планете без войн, он верил, что в наш сложный век культура может объединить всех людей под знаменем Мира, а для этого надо отстаивать ее величайшие ценности, умножать духовный потенциал человечества, необходимо сражаться за культуру.

«С высоты наших дней,— говорится в программе создаваемой советской ассоциации,— отчетливо видно: Рерих с его призывом «Мир через культуру» и его идеалом пакта о защите культурных ценностей был первой ласточкой народной дипломатии, той дипломатии, которая сегодня вырастает в могучую общественную силу. Воскрешая к новой жизни девиз Рериха «Мир через культуру» мы отдаем себе отчет в том, что современная ситуация столь же (если не более) грозна, чем во времена столкновения с темным воинством фашизма... Рериховская «Наука побеждать» зиждется на руководящем постулате: «Лишь приневесение света уничтожает тьму». Вот этой главной задаче — приневесению Света во все сферы жизни мы и обязуемся отдавать и силы, и устремления наши».

Использовать в миротворческих целях влияние интеллигенции и деятелей культуры, объединить усилия людей всех профессий, тех, кто разделяет девиз «Мир через культуру», содействовать международному движению под этим девизом — главное, чем будет заниматься ассоциация, учредителями которой выступили Союз писателей СССР, Институт мировой литературы имени Горького АН СССР, издательство «Советский писатель» СП СССР, Всероссийский фонд культуры, МГС, Всероссийского общества охраны природы, ВНИИинформэлектро...

В деятельности советской ассоциации «Мир через культуру» могут принять участие граждане и организации, готовые внести практический вклад в это благородное движение.

Почему мы терпим поражение в политической работе?

Кто нужен партии в проведении глубокой перестройки?

Как поднять пошатнувшийся авторитет, найти понимание в массах?

ДАВАЙТЕ ЧЕСТНО ПРИЗНАЕМСЯ

Беседа с первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС И. К. ПОЛОЗКОВЫМ

— Иван Кузьмич, на газетной полосе мы с вами встречались почти год назад, сразу после июльского Пленума ЦК. Промчит, кажется, небольшой отрезок времени, но сколько событий произошло в нем, среди которых главнейшие — выборы народных депутатов СССР, их первый Съезд. За этот год наш корабль-авангард общества прошла серьезнейшее испытание на прочность своих позиций, выдержала мощный критический удар. Роль партии, ее авторитет стали темой острейших дискуссий. По сути полемика развернулась о том, как развивается реформа политической системы, о месте и принципиально новых задачах партии. И кое-кто из партработников растерялся, запаниковал...

— Действительно, даже некоторые опытные секретари райкомов, прошедшие, казалось бы, огонь, воду и медные трубы, впали в уныние. Нелепость, временное. Переходный период, который мы сейчас переживаем, оказался настолько спрессованным, что партийные комитеты оказались в необычно трудной ситуации. Активнее пошел процесс политизации масс, чему способствовали и выборы, и сам Съезд народных депутатов СССР. Люди стали более требовательными, взыскательными к конечным результатам и открыто выражают свое неудовлетворенность ими. Она усиливается ненаполненным рублем, пустым рынком. За три года пятилетки доходы населения края возросли на 1 миллиард 232 миллиона рублей, а производство товаров народного потребления у нас увеличилось лишь на 681 миллион рублей. Обстановка на Кубани, да и в стране обострилась по всем направлениям. В первую очередь в экономике, где расстроились старые привычные связи, а новые не налажены, и, что особенно тревожит, штабы управления на предприятиях, стройках, в хозяйствах зачастую не знают, **как это делается**,— где разместить заказ, где найти новых партнеров, на каких условиях заключить договор и т. д. Или взять жилье. За три года его в крае прибавилось 5 миллионов квадратных метров, но очередь не только не уменьшилась, а увеличилась на 70 тысяч, и сейчас в ней 213 тысяч семей. Расчет неудовлетворенной потребности в квартирных телефонах, в больничных койках, в местах в детских учреждениях и в школах, на базах отдыха. А люди требуют — и справедливо — улучшения жизни, быстрейшего решения социальных проблем.

— Индекс социального нетерпения, если так можно сказать, резко возрос.

— И этот рост влияет на отношение к партийным комитетам, советским органам. Людям все труднее объяснять, почему буквально на голом месте возникают «прорывы», как это случилось, например, со стиральным порошком и мылом, солью и спичками... Как ответить комбайнеру, почему в разгар уборки не хватает бензина и солярки? Поулку зимы с отцом не найти стройматериалов? Мы же людям сказали — стройтесь, а материалов за два года практически не прибавилось. В крае за это время выдано 212 тысяч участков, организовано 805 новых салово-огороднических товариществ, строить же не из чего — мы людям не можем предложить ни кирпича, ни леса, ни кровли. Если что-то и выделяется для продажи, то за счет лимитов под плановое строительство. Тянем лоскутное «одеяло» в разные стороны.

Эти социальные заказы не удовлетворяются потому прежде всего, что очень уж медленно переходим на новые методы хозяйствования. Любой вопрос упирается в экономическую реформу. Новый хозяйственный механизм делает робкие полуобороты, а старый не сдает позиций. Как в центре, так и на уровне края, города, района, трудового коллектива. Тому причин много, но главная — по-прежнему, в том, что люди, которые привыкли получать должностные оклады независимо от того, как идут дела, не хотят ничего менять. Между тем это как раз те люди, от которых зависит продвижение аренды, подряда, хозрасчета. Они не желают вступать в эти системы, брать на себя ответственность, как и многие рабочие и крестьяне-хозяева не хотят становиться хозяевами. И вот, с одной стороны, исправляется удовлетворение дополнительных запросов, а с другой—мы не можем реализовать даже те возможности, которые есть. Могли бы значительно больше сделать, если бы более активно нажимали на хозяйственный механизм. Все дело в экономике.

— Не «повело» ли нас в сторону. Иван Кузьмич в вернее назад! Собрались говорить о партийной работе в новых условиях, а то и дела сбиваемся в хозяйственный уклон.

— Не «повело» — жизнь заставляет. Да я вспоминаю Ленина: экономика для нас самая интересная политика.

— Но все-таки если говорить о реформе политической системы, то один из ее краеугольных камней — разграничение функций партийных советских и хозяйственных органов. Сказано об этом много, однако проблема «зависает»... Как говорит на недавнем собрании актива краевой парторганизации первый секретарь Краснодарского горкома Н. Гриценко, тот же продовольственный «поле — магазин» работает по принципу «бюро — поле, бюро — магазин»...

— Говорить-то о разграничении функций говорим. А на практике? На республиканском же уровне никаких изменений не произошло. Госагропром РСФСР каким был, таким и остался. Никаких изменений в нем не происходит, все структуры прежние и работают старыми методами. И наш перестроенный краснодарский агропром—сейчас это агропромсоюз—вынужден вписываться в ту колею, по которой продолжает катиться старый агропром России. В его же руках все — лимиты, фонды, ресурсы, а значит, реальная власть. Заметьте, пока никаких предложений по перестройке ни сам Росагропром, ни правительство республики не выдвигают. Или создали новые органы — главные производственно-экономические управления при крайисполкомах, облисполкомах, которые призваны стать координаторами всех хозяйственных органов в интересах региона. И что же? О Главной ПЭО до сих пор нет никакого положения. Чем оно должно заниматься, какие у него будут экономические связи с предприятиями, другими хозяйственными подразделениями, как эти связи станут работать на местный бюджет — неизвестно. А ведь мы провозгласили «Вся власть — Советам», говорим о хозяйственной самостоятельности регионов, хозрасчете, самофинансировании и самообеспечении. Между тем живем в старом бюджете, в старой системе финансирования, материально-технического обеспечения, и Советы никакой дополнительной власти не получили, никаких структурных изменений в них не произошло. Что же мы ждем от них более активной работы да еще надеемся, что они освободят партийные комитеты от несвойственных им функций, дадут им возможность перестроиться?

— Не знаю, как вам, Иван Кузьмич, члену ЦК и участнику апрельского Пленума, а мне при чтении стенограммы показалось, что в выступлениях некоторых ваших коллег сквозит прямо-таки ностальгия по старым, горяшим методам руководства. Вот уже впрямую осуждается выборность руководителей, процесс, по-моему, прогрессивный и начинавшийся, кстати, в Краснодаре...

— И он не прекращается. За последние годы избрано 10 тысяч руководителей, из них две трети на конкурсной основе. При всех издержках, а они, как и во всяком деле, есть, выборность руководителей заслуживает поддержки. Другое дело, что партийные комитеты не всегда умеют убедить людей в необходимости выбора той или иной кандидатуры, но это тема отдельного разговора.

— Думаю, что мы ее не обойдем. Возвращусь к впечатлениям от стенограммы апрельского Пленума. Удручили сетования на отсутствие указаний из ЦК, на недостаток передовых статей, как своеобразных ориентиров, в «Правде» и других партийных изданиях, не говоря уже о стремлении сделать прессу виновницей всех общественных катаклизмов, чего вам, и счастью, в своем выступлении на Пленуме удалось избежать. Как же перестраивать партийную работу, если по-прежнему надеяться на указания из центра, если не понимать ее творческого характера? В чем, на ваш взгляд, должна состоять суть перестройки партийных органов на современном этапе?

— Трудный вопрос. В нем сосредоточен весь клубок внутрипартийных проблем. Давайте по порядку. Ну, во-первых, перестройка работы партийных органов все-таки идет и, на мой взгляд, даже опережает эти процессы в Советах и хозяйственном секторе. Партийный аппарат сокращен на треть, упразднены отраслевые отделы. Но бела-то в том, что их функций оказалось **некому взять на себя**. И вот результат — нагрузка на партаппаратчиков сейчас возросла вдвое-втрое. Возьмем отдел аграрной политики крайкома. Было в нем 26 человек, сейчас 13. Он что, занимается политикой? Да ничуть не бывало. Отдел выбивает бензин, запчасти резину, кирбид, электроды, готовит письма, телеграммы, держит напрямую связь с поставщиками, потому что система снабжения разбалансирована, крайком в этой обстановке исчерпал свои аргументы, агроснаб ликвидировали, а Госснаб не взял на себя его функции, и крайком рад бы не вмешиваться в хозяйственные дела, но вынужден это делать. Не останавливать же уборку хлеба из-за нехватки горючего или аккумуляторов в угоду принципу разграничения функций. Принципом сыт не будешь. Хлеб остается пока категорией политической. Уверен, что только из-за ослабления внимания крайкома, горкомов и райкомов к животноводству Кубань в этом году, видимо, снизит производство молока и мяса, что безусловно отразится на продовольственном обеспечении населения. Такова реальность. Какими тут методами действовать? Социалистическое соревнование стало чуть ли не атрибутом прошлого, к смотрам тоже отношение прохладное. Взамен же, чтобы активизировать людей, сосредоточить внимание первичных партийных организаций на нерешенных проблемах, ничего не дали. Мы не готовы к политической работе. С одной стороны, обострились требования к партаппарату, а с другой—оказались изношенными старые привычные методы. Вот почему многие секретари расстрелялись. В прошлом это были хорошие специалисты, и, придя на партийную работу, они исповедовали хозяйственный стиль руководства. Вы знаете секретарей наших райкомов и, наверное, согласитесь, что и сейчас они самые лучшие хозяйственники в своих районах. А к работе по-новому оказались не готовы, и потому мы терпим поражение в политических методах. И когда мы говорим о пошатнувшемся авторитете партии, принижении роли парткомов, в том числе партаппарата, то корни надо искать здесь, в уровне подготовки партийных кадров.

— Ну, если воспользоваться расхожей фразой, то секретарь не корпус — тоже дитя своего времени. И не в нем ли прежде всего сохранилось стремление законсервировать партийную работу на прежнем уровне? Некоторые секретари на словах отрицают сомнения в компетенции отраслевых отделов, а на деле их функции передают «организациям». Выходит, что топчемся на месте?

— Все гораздо сложнее. Суть перестройки партийной работы — демократизация партийной жизни. И в этом направлении кое-что сделано. Но чувство неудовлетворенности не покидает. По-моему, за партийную перестройку мы взялись не с того, что ли, боку. Сократив аппарат, отказавшись от отраслевых отделов, мы лишь произвели внешние преобразования, что было спонтанной реакцией на общественное мнение, на критику партаппарата. Впечатление такое, что взялись **не за суть**, а за производное, **за форму**. Перемен же существенных в работе самого выборного органа не произошло. **Функции парткомов не изменились**, упор по-прежнему на голосовые связки, и партаппарату в этих условиях надо либо самоустраниться, либо вернуться на старые рельсы, что и видно по практике некоторых парткомов. Они фактически разоружились. А надо вооружаться. И путь здесь один — демократизация, действия через людей, верховенство выборного органа. Все делать на виду, открыто, не прячась от людей. Смотрите, какие споры развернулись вокруг пункта о роли партии. Одни требуют отменить 6-ю статью Конституции, закрепляющую ее руководящую роль, другие — лишить партию того, лишить этого. И совершенно ясно, что в этих условиях партии самой надо перестраиваться, и гораздо быстрее, чем обществу,— это вывод апрельского Пленума и Съезда народных депутатов,— если она хочет быть авангардной силой обновления.

— И не хватит ли самобичевания, как говорил на пленуме бывший старший секретарь райкома В. П. Сергейко. Оно в партии определенно подвытянулось, и если заниматься только им, то перестройка потерпит поражение

— Я согласен с Василием Петровичем. Покаяние — вовсе не отречение партии от идей и программных целей. Это — исправление ошибок и деформаций, самочувствие от всего, что мешает обновлению. Давайте возьмемся за практическую перестройку партии. Как освоить новые политические методы? Я вижу три основных направления. Главная точка приложения наших сил должна стать **первичная парторганизация.**

— На апрельском Пленуме вы нам рассказали о том, что партийные комитеты не вооружены инструментом работы с первичной организацией. Каким он вам видится?

— В первую очередь подбор секретарей. Добиться бы нам того, чтобы каждую партийную организацию возглавлял действительно лидер, уйти от тех стереотипов, на которых мы закомплектовали. Если секретарь, то обязательно с солидной должностью, с высшим образованием, из такой-то службы. Нужен беспокойный, неравнодушный, авторитетный человек. Словом, самый-самый, а не тот, кого для собственного удобства подберут инструктор-куратор райкома и руководитель предприятия, особенно в малочисленных парторганизациях, коих большинство. К сожалению, в прошлой отчетно-выборной кампании явно ощущалось стремление избрать секретарями наименее занятых — медуборщиков, конторских работников. Может быть, они и добросовестные коммунисты, но на перестройку людей не поднимут. И первая задача предстоящих отчетов и выборов в парторганах, цеховых организациях — избрать их вожаками **действительных лидеров коллективов**. Тогда можно будет надеяться на ускорение перестройки.

Из 9 тысяч секретарей первичных организаций только 9 процентов—ос-

дый коммунист, способен ли он внутренне ощущать себя бойцом партии, отстаивать ее идеалы, бороться, биться за перестройку, то есть словом и делом доказывать свою принадлежность к КПСС. Это, хотим мы или не хотим, нам надо сделать. Считаю необходимым заглянуть и в прошлое — как мы принимали в партию.

— Кто владел анкетами, тот и определял...

— Кто давал анкету, какие цели он преследовал при «разделе» — это очень много значит. Не будем огульно обвинять всех «держателей» анкет, но давайте прямо скажем: протекционизм, групповщина, всепрощенчество, психология «ты — мне, я — тебе» сыграли не последнюю роль в засорении партии корыстолюбивыми, мздоимцами, коррумпированными элементами. Сегодня на прием в партию можно посмотреть совершенно иными глазами, да и планку требовательности поднять. Сейчас уменьшилось число рабочих, вступающих в партию. Думаю, трагедии из этого делать не стоит. Главное — отобрать сегодня тех, кто партии нужен в проведении перестройки. Посмотрите, сколько выборы выдвинули новых активных личностей, о которых мы ничего не знали. Многие из них беспартийные. Такое пополнение необходимо партии.

Еще принципиальный момент: увеличилось число случаев добровольной сдачи партбилетов. Если в прошлом году их было 211, то ныне за пять месяцев уже 610. Что это—дезертирство в трудный для партии период, конъюнктурщин» или другие мотивы?

— А может быть, естественный процесс самоочищения партии?

— Наверное. На XIX партконференции поднимался вопрос о чистке партии. Думаю, не надо бояться этого слова. Да в проблеме остается открытой, на XXVIII съезде, убежден, она обязательно возникнет. Сейчас необходимо внимательно проанализировать причины и следствия. Многие, как выяснется, сдают партбилеты потому, что не удовлетворены их личные запросы — не продали, скажем, автомобиль. О таких «коммунистах», согласимся, жалеть не следует. Есть неуловорворенные ходом перестройки, но «выход из партии» поможет ли делу? Не может не волновать тот факт, что уходят из партии ветераны. Причина разные — болезни, немощь, пренебрежительное отношение молодежи... И тут важно выработать к каждому строго индивидуальный подход.

— Индивидуальный подход — не основа ли политических методов? Как насытить их политикой и рассматривать поддержку идеологическую работу как самую интереснейшую работу в партии?

— Начну с конкретного примера. Белореченский горком стал активно использовать общественное мнение при принятии решений. Постановлением бюро создан центр изучения общественного мнения. В его структуре действуют четыре группы—анализа, экспертов и внедрения передового опыта, исследований, общественная приемная. Создана служба «Ваше настроение». Я думаю, что это направление должно стать основой в повысте идеологической работы. Сейчас она пребывает в каком-то неопределенном состоянии. Из него надо побыстрее выбираться. И наши центральные идеологические учреждения, и крайком действуют в этом плане медленно. Нам надо осветить дорожку, по которой направлять мировоззренческую работу.

К чему сейчас звать людей? К возрождению наших ценностей — коллективизма, товарищества, взаимопомощи, доброты, милосердия. В последние годы мы увлеклись так называемым идеологическим обеспечением экономических задач и всю систему политобразования сместили в эту сторону. Это важно само по себе, но воспитательный процесс складывается не только из обеспечения каких-то задач. Сегодня надо посмотреть на культуру в широком плане — какие общечеловеческие ценности она формирует.

— Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев прав, утверждая на Съезде, что на наше общество сумели воздействовать не экономические законы, ни нравственные идеалы.

— Вот и надо повернуть всю идеологическую работу **на человека, на личность**. Если мы ставим в центр перестройки человека, если всю политику партии сосредоточиваем на нем, так давайте посмотрим на него изнутри: за что помогаем ему от чего-то очиститься, стать добрее, терпимее. А что сейчас? Черствость, грубость, хамство, злость, неприятие другой точки зрения, неумение уважительно относиться к человеку. Все это необходимо изживать. Я упоминал Белореченский горком. Изучение общественного мнения — это значит учет интересов людей, даже, если хотите, их характеров в практической политике горкома. В Тихорецке налаживается система индивидуальной работы с людьми, которым надо помочь избавиться от вредных привычек, и она дает хороший эффект. Если мы разберемся в человеческой сфере, «очеловечим» партийную работу, тогда все сдвинется — и экономика, и право, и политика. А делать нам перестройку с теми людьми, с которыми рядом живем и трудимся. И надо знать и понимать их.

Почему потерпели поражение на выборах многие партийные работники? Да потому в первую очередь, что избиратели о них мало знали, они не шли к людям. Я это испытал на себе, особенно во время встречи со студентами университета. Дискуссия — политическая! — шла 4,5 часа. Сначала я почувствовал острое неловерие. Они же меня не знали, не видели, как потом рассказывали сами студенты, обо мне распространялись небылицы — и говорить-де не умею, и вообще черствый человек. К середине дискуссии наступило «потепление», а потом мы пришли и к взаимопониманию. Университет в итоге проголосовал за меня. Но давайте честно признаем: это поражение партработников надеялись на аппарат не шли ни в студенческие общежития, ни в пещеры, ни в столовые ни в воинские части.

Долгие годы они жили в изоляции, люди ничего о них по существу не знали, сложился стереотип партработника — этакого безликого чинуши, бюрократа... Все на чем повесены потери и несем их сейчас. Все-таки партработник должен быть лидером. Он должен не бояться идти к людям. Я бы прямо-таки ввел в обязанность не только решать дела, говорите честно и прямо. Только тогда ты найдешь у людей понимание. Не будет, может быть, единодушия в каких-то вопросах. Ну что же. Если не сумел убедить, то научись уважать другое мнение, делать и из него для себя какие-то выводы.

— Не покушаетесь ли вы, Иван Кузьмич, на принцип демократического централизма? Сами же где-то говорили, что партия — не дискуссионный клуб.

— После принятия решения. А до него почему не подискутировать, почему не постараться узнать точку зрения каждого работника, выслушать множественность мнений, предложений? И Съезд, а сейчас и сессия Верховного Совета демонстрируют свободу волеизъявления. Сам акт предоставления трибуны для выражения подлинного мнения давал возможность аудитории «созреть» в ходе обсуждения, прийти к какому-то выводу. И тогда тот, кто оказался в меньшинстве, уходил с трибуны с чувством исполненного долга и подчинялся решению большинства.

Сегодня вопрос о демократическом централизме острейший. Чего греха таить, этот принцип долго воспринимался нами в искаженном виде: «не хочешь — делай», «не думай — делай», «не оговаривайся — делай». Вот от этого надо уходить. Как? Ясно одно — без дисциплины партии быть не может. Дисциплина—партийная, исполнительная — должна быть после принятия решения, и ее надо усиливать. Коли решение принято на демократической основе, с учетом мнения людей, тогда и дисциплина из казенщиной, «солдатской» превратится в сознательную, приблизится к той свободе, которая есть осознанная необходимость. Тогда мы сделаем шаг в развитии внутрипартийной демократии — к партийному товариществу, к партийной обязательности. Тогда демократический централизм как основополагающая норма партийной жизни обрел изначальное деяние-смысл звучание. А пока этого нет, то и многие партийные решения — любого уровня — не срабатывают. И если мы хотим добиться результативности партийной работы, то надо радикально изменить подход к выработке и принятию решения. Все делать гласно, демократично, конкретно. Такую практику сейчас обкатываем в парторганизации Тихорецкого района.

— В последнее время и кадровые, «номенклатурные» вопросы стали так решать.

— Номенклатура — тоже острая проблема. Мы с вами встречаемся с человеком, кто — поделиться кадровой монополией с Советами, кто держится за нее.

— Давайте обратимся **к истории**. Любое более или менее серьезное политическое течение, которое приходило к власти, прежде всего брало в свои руки такой рычаг, как кадры. Если наша партия намеревается осуществлять перестройку, то она должна подумать, как удержать этот рычаг и в чьих руках он должен быть? Наверное, у партии, которая взяла на себя инициативу обновления общества. Она и должна работать с номенклатурой. Другое дело — как ее раформализовать. У нас еще бытуют закрытые отборы, закрытый резерв. А надо всемерно демократизировать эти процессы, открровенно объяснять причины кадровых перемещений, выводить на люди кандидатов на ту или другую должность.

Так мы и стараемся поступить. Отбор кандидатов ведем только гласно. Прежде, чем быть избранными секретарями крайкома, В. Бражник и Ю. Азаров прошли предварительное обсуждение на заседаниях комиссий краевого, городского, районных-ских-либо ноток лицемерия, требовательный разговор. Не аппарат, а выборный орган решает, он выбирает. Хотя должен признать, что в повышении активности выборных органов мы еще в начале пути и вопросов у нас больше, чем ответов. Если на следующей краевой партконференции мы сумеем выдвинуть в состав крайкома новые молодые силы, не опоясанные путами прошлого, если будем искать нетрадиционные формы политического воздействия, то, думаю, что крайком заработает так, как надо в условиях перестройки. А отсюда и цепная реакция пойдет в райкомы, в первичные организации. Отсюда импульс надо дать.

Сегодня людям нужны только практические результаты, словами сегодня не укрепить веру в перестройку, не повлиять пошатнувшийся авторитет партии. Значит, надо идти в первичные организации, идти к людям, заговорить тот колокольчик, который есть в душе каждого человека, общепить его интерес. Главное — человек. На пути к нему лежат политические методы работы. Чтобы люди все знали, видели, чтобы с ними советовались, чтобы через них все решалось. Тогда это будут правильные выверенные решения. Партия тогда будет авангардом, если она будет знать, чего хочет народ. Не командовать, не администрировать, не довлеть! Знать настроения и уметь переложить их на язык практических действий — вот этим искусством политического руководства нам еще предстоит овладевать. И чем быстрее, тем лучше для судеб перестройки и страны.

Беседу вел **В. ЛУДАЧИН.**
(Наш соб. корр.).

Из почты

Оживлять, привлекать, проверять

Говоря о разделении функций партийных и советских органов, первый секретарь райкома КПСС Н. Гураков в статье «Как передать власть» («Советская Россия», 17.06.89 г.) пишет: «Цель вроде бы ясна всем. За партийными органами стратегия, за Советами — ее реализация». В корне с этим не согласен Партия, членом которой являюсь, второй раз после 1917 года провозгласила: «Вся власть Советам!» Поэтому, на мой взгляд, больше приемлем такой подход: «За Советами — власть, за партийными органами — идеологическое обеспечение поступательного движения нашего общества». Владимир Ильич обращал внимание: оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных — вот это абсолютно верно. Вот где работы тьма.

Состав народных депутатов показал, что партия сегодня пользуется поддержкой и доверием людей. Но нельзя не чувствовать и тревоги. Нельзя допустить, чтобы партия терпела завтра поражения. У нас старегоит партийные организации. В них немало еще приспособленцев, карьеристов. Идеологическая работа влачит жалкое существование. Секретари партийных комитетов по идеологической работе находятся на вторых ролях. Не потому ли в нашей стране сегодня остро проявляются национальные проблемы, растет преступность?

С. САВЧЕНКО,
инженер.

Севастополь.

Иначе не вылезем из нужды

Сейчас, когда как говорят наши лидеры, наша страна проходит кризисы, нужны чрезвычайные меры со стороны партии по отношению к самой партии. Пробудить коммунистов от спячки, вытряхнуть их из кабинетов, чтобы работают день каждого партработника начинался в цехе, колхозе, среди народа. Поводу трудовая дисциплина просто безобразностью невероятная. Отсутствие строжайшего партийного спроса сверху донизу привело к развалу экономики. Многие коммунисты-руководители дискредитировали себя в глазах людей, из-за них в незавидном положении оказался и престиж всей партии.

Если член партии допустил умышленное злоупотребление или не пресек его, имея к тому возможность, его нужно лишать партбилета. Пусть партия потеряет в численности, зато укрепит дисциплину, восстановит свой авторитет в народе. Контрольные органы партии должны работать много активнее. Надо вырубить корни, сплетенные мафией в государственном аппарате. Взяться за это должна прежде всего партия, потому что ее члены находятся у руководства.

Дело в партии надо поставить так чтобы коммунисты отличали высокая порядочность, безупречная честность. Коммунисты всем своим образом жизни и личным обликом должны дать народу образец для подражания. Укрепить в народе авторитет, веру в дело партии можно только делом самой партии. Хорошие решения принимались и раньше, но большинство из них осталось на бумаге. Если же расхлябанность и безразличие так и будут продолжаться, то мы не вылезем из ярма нужды.

И. ШЕИН,
член КПСС с 1958 года.

Воронежская область.